

Н.А. Непомнящих

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**«Деяния Азлазивона» Л.М. Леонова:
агиографический сюжет и жанр в авторской интерпретации***

Аннотация: В статье рассмотрена жанровая специфика рассказа «Деяния Азлазивона» Л.М. Леонова, сопоставлены сюжетные ситуации житий Нифонта Кипрского и Симеона Столпника с подобными сюжетными ситуациями в рассказе Леонова, проанализированы отдельные совпадающие мотивы и их авторское переосмысление.

The paper discusses the genre specificity of the story «The Acts of Azlazivon» by L.M. Leonov. A correlation is made of the plot situations in the acts of Nifont Kiprsky and Simeon Stolpnik with similar plot situations in the story by Leonov. An analysis is made of separate coincident motifs and of their re-comprehension by the author.

Ключевые слова: творчество Л.М. Леонова, агиографические традиции в литературе, сюжет, мотив.

L.M. Leonov's works, hagiographic traditions in the modern literature, plot, motif.

УДК: 821.1 61.1

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор литературоведения. Тел. (383) 3304772. E-mail: motiv_ifl@ngs.ru.

Текст рассказа Л.М. Леонова «Деяния Азлазивона» и часть иллюстраций к нему были опубликованы в 2001 году дочерью писателя, Н.Л. Леоновой впервые. Как указано Н.Л. Леоновой, текст был издан по авторизированной машинописи, а содержащиеся в рукописной версии иллюстрации были опубликованы лишь частично¹. Молодой писатель читал его на устраиваемых издателем Сабашниковым вечерах. Рассказ сразу высоко оценили Ф. Шаляпин, И. Остроухов, а в наши дни – В. Распутин, А. Трубаев – это те, чьи отзывы опубликованы вместе с текстом рассказа на сайте журнала «Наше наследие» [Распутин, 2001].

В рассказе звучат интонации жития и сказания – жанров, знакомых Леонову с детских лет: «Истоки таких рассказов как “Бурыга”, “Гибель Егорушки”, “Калафат”, “Деяния Азлазивона-беса” и др. – в круге литературы, которую я читал в детстве: в патериках, житиях, белозерских сказаниях. Мне нравились все эти истории о чертях-искусителях, сказания об испытании веры, сам колорит древнерусской речи» [Ковалев, 1962, с. 40]. Потому появление в тексте известных и узнаваемых житийных топосов, аллюзий, сюжетных ситуаций отнюдь не случайно. Являвшиеся вполне очевидными читателю начала XX века, теперь они требуют и комментария, и осмысления.

Завязкой служит известный по фольклору, житиям, художественной литературе сюжет о раскаявшемся грешнике – разбойнике-душегубе впоследствии вставшем на путь истинный, однако в рассказе сюжет существенно преобразован.

* Работа выполнена в рамках проекта «Эволюция повествовательных жанров в русской литературе: от Средневековья к Новому времени», № 01201268780.

¹ Рукопись «Деяний Азлазивона» хранится у Н.Л. Леоновой.

Его фольклорный и агиографический варианты обязательно включают следующие связанные по смыслу звенья: грех – покаяние – спасение [Климова, 2010]. В рассказе есть лишь первое звено – убийство разбойниками купца (грех). Далее следует их вынужденный уход в монахи по воле атамана, постройка и гибель скита. Недостающие звенья восполняются звеньями сюжетной цепи другого типа житий – основателей монастыря: «желание уйти пустынь – (видение) – уход и основание монастыря – процветание обители». Эта сюжетная модель также воспроизводится не целиком, а видоизмененно: последнее звено «процветание обители» заменено гибелью скита. Таким образом, сюжет «Деяний Азлазивона» соединяет отдельные элементы двух традиционных для агиографии сюжетов: сюжет о раскаявшемся разбойнике и сюжет об основателе монастыря.

На повествовательном уровне происходит контаминация мотивов житий раскаявшегося грешника и основателя монастыря в единый сюжет. Но содержание произведений Леонова никогда не исчерпывается событийным рядом. За ним всегда просвечивают смыслы, выходящие за рамки собственно событий, они лишь повод присмотреться к символическим значениям, проступающими за ними. Скрытый смысл важнее, это «значение, которому, как в притче, придан вид события» [Лотман, 2004, с. 337]. Механизмы создания скрытого смыслового плана, внутреннего сюжета в последующих, более поздних произведениях Леонова разнообразны [Якимова, 2003]. В «Деяниях Азлазивона» сигналами для их обнаружения являются имена, даты, некоторые житийные мотивы и топосы. Рассказ дает прекрасную возможность увидеть, каким образом Леонов на основе характерных, типичных для житийного жанра мотивов и сюжетных ситуаций выстраивает свой сюжет взаимодействия человека и дьявола, во многом предвосхитивший таковой в русской литературе XX века.

Итак, «Деяния Азлазивона» – рассказ о несостоявшемся спасении бывших разбойников, об отречении от них святого Нифонта, их борьбе с бесами и гибели вместе со скитом на девятый год в огне пожара. Его можно условно разделить на несколько частей, первая – о том, как и почему Ипат с разбойниками решил построить скит. Эта часть включает в себя рассказ об убийстве купца и купчихи, здесь выделена важная деталь – расколотый образок с изображением Нифонта на груди убитой бабы. Затем святой три раза является атаману Ипату во сне, угрожая оставить без покровительства, после чего тот и решает строить скит. Видение, предшествующее постройке церкви / монастыря и выбору места для них – один из распространенных топосов русских преподобнических житий, но в рассказе Леонова этот топос не просто воспроизведен, на него ложится важнейшая структурирующая и смысловая нагрузка. Во-первых, в контексте числовой семантики рассказа важно, что Нифонт является Ипату с предупреждением троекратно, а на четвертый раз обозначает срок, который разбойники должны выстоять без него – 10 лет¹. Во-вторых, оставление святым без покровительства весьма значимый мотив в последующих произведениях Леонова («Петушихинский пролом», «Пирамида») и в его художественной вселенной в целом.

В завязке сюжета указан святой по имени Нифонт, но из 25 упоминаний имени Нифонта лишь несколько раз уточнено «Новгородский», поэтому обратимся сразу к двум житиям: Нифонта Новгородского (память 8 / 21 апреля) и Нифонта Кипрского (память 23 декабря / 5 января). Фигура Новгородского Нифонта связывает сюжет рассказа о бывших разбойниках с сюжетами житий других Новгородских подвижников: Киприана Сторожевского (бывший разбойник), Адриана Ондорусовского, Александра Свирского, так или иначе связанных с рассказами о разбойниках [Непомнящих, 2011а]. А Нифонт Кипрский являет собою показательный пример раскаявшегося грешника: будучи распутным в юности, он под

¹ Числовая символика в рассказе чрезвычайно важна, ей посвящена отдельная работа, поэтому здесь специально не рассматривается.

воздействием слов друга однажды пришел в церковь и, увидев улыбку Богородицы в ответ на раскаянные слова, вступил на путь к Богу. В отличие от Нифонта Новгородского, «вешнего», это Нифонт «зимний», а именно лютой зимой приходит в скит лжеизограф, которого Ипат просит написать образ святого. Кроме хронологической параллели, есть и содержательные совпадения. В рассказе Нифонт неспроста назван «попалителем смущающих». В житии Нифонта Кипрского подробно описаны эпизоды искушения и побед святого над бесами, повествование о которых составляет около половины всего жития. Мотивировка войны темных сил с Нифонтом традиционна: «Не перенес диавол того, что Нифонт многих отвлек от бесовского соблазна, и пришел к нему со множеством бесов, около тысячи; они ночью напали на святого и хотели мучить; все его жилище было полно бесов. Он же силою крестною запретил им и, с помощью Божией и пособием святого ангела, взял каждого из них по одному, давая им по тысяче ударов, пока они не поклялись ему не подходить даже к тому месту, где произносится имя Нифонта» [Житие Нифонта Кипрского].

В житии говорится о строгой иерархичности бесовских полчищ: «...У нас есть приказ от царя нашего и князей, властвующих над нами, бороться с людьми. Если же князья узнают, что мы не боремся с людьми, то жестоко бьют нас»; упоминается бес Азлазивон: «Радуйся, отец наш! Это Алазион, князь наш, прислал тебе жертву, которую принесли наши враги – христиане, дав медных денег за игры» [Там же]. В рассказе Леонова основное содержание также составляет изложение событий борьбы братии с бесами, а иерархия темных сил разработана более детально. Кроме введения Азлазивона и Велиара, традиционных и известных предводителей темного воинства, писателем придуманы собственные inferнальные персонажи, рангом «помельче»: Гаркун и Рогатица, Гордоус, Тырь и Тюфтырка. В изображении противостояния разбойников и бесов наблюдается нарастающая градация: сперва «малые» скидываются в пни и творят мелкие пакости, потом приходит в скит под видом изографа «наибольший среди малых» бес Гаркун, за ним – его сестрица Рогатица и приносят несколько смертей. После сам князь Азлазивон приступает к скиту, но заключен крестным знаменем в кади и закопан. Окончательную победу над монахами одерживает Велиар со своим огненным полчищем. Принципиальное отличие леоновского рассказа от житийных текстов в том, что в житиях темные силы априори будут посрамлены праведниками, у Леонова же бывшие разбойники не могут выстоять изначально: Нифонт покинул их, а раскаяния и веры нет.

Слово «Бог» в рассказе не звучит, лишь «Спас», и это может быть связано как с цензурными соображениями (хотя рассказ все равно был запрещен), так и с замыслом автора. Ведь возможно, так подчеркнуто безбожие (без Бога!) разбойников, желающих попасть в рай без внутреннего преображения. Метонимическими замещениями имени Бога в тексте является имя отрекшегося от разбойников Нифонта, упоминаемое 25 раз. Та же роль у иконы Спаса, она появляется в сцене освящения адописной иконы Нифонта. Подобный прием, когда отдельный святой (ушедший с иконы Пафнутий), оставивший место (гибнущую Петушиху), замещает собою по значению отрекшегося от России Бога, использован Леоновым в повести «Петушихинский пролом» [Непомнящих, 2011б]. В «Пирамиде» мотив инверсивно переосмыслен: не Бог отрекся от людей, а человечество само отреклось и ушло от него.

С образом Спаса связана еще одна деталь, общая для жития Нифонта Кипрского и рассказа Леонова: оживающий на иконе взгляд Спаса, обращенный к герою. В житии Нифонта Кипрского: «Лежа на земле, он повернул голову и посмотрел на образ Спаса и увидел чудо: образ Господень двигал глазами и бровями, как бы живой человек» [Житие Нифонта Кипрского]. У Леонова: «Птичка одна к Нифонту прыгает, а другая к Спасу. Не может первая на Нифонтову доску взобраться, Спасова же прыгнула прямо на чело Спасу, зажала гневом запавшие

очи» [Леонов, 2001]. Птичка, кстати, встречается в житии Нифонта, предшествуя эпизоду искушения пищей: «Так упорно боролся он с невидимым врагом, но тот вел с ним сильную борьбу, причиняя ему всякое зло и желая одолеть его непобедимое мужество. Во время молитвы бес являлся ему – то в виде прыгающей перед ним птицы, то в виде черной собаки, бросающейся на него, чтобы испугать его и прервать его молитву, но он прогонял беса крестным знамением» [Житие Нифонта Кипрского]. Собака, но не черная, а белая, «попалила» бороду Сысою-Ипату, хотя в целом традиционные для сил зла эпитеты «черный» и «темный» в тексте рассказа частотны: чуть больше трети в цветовой гамме эпитетов¹.

Столь распространенный житийный топос как борьба с нечистой силою, несмотря на регулярную повторяемость в агиографических текстах, имеет каждый раз конкретное событийное воплощение, и опять наблюдается совпадение событий из жития Нифонта Кипрского с событиями рассказа Леонова. Сцена искушения Ипата видениями явств в рассказе близка по содержанию эпизоду жития. В житии: «Когда он чувствовал голод, бес приносил ему разной рыбной и мясной пищи и вкусных кушаний, но блаженный говорил тогда: “Пища нас не приблизит к Богу, – сам ешь, диавол, свою пищу или носи ее туда, где люди свое чрево делают божеством”» [Житие Нифонта Кипрского]. В рассказе Леонова блюда, которые блаженный постящемуся Ипату, описаны красочно, подробно: «А на краешке самом, на дубовом резном кругу развалился важно ситными ломтями пшеничный хлеб, – ноздри он раздул белые и пуховые, как у нежной невесты. А кулебяка, рядом, плоха? Или масло из нее в жаркой печи повыпотело? Или палтусинки прелой насовала в нее скарденная хозяйкина рука? Нет, кулебяка жирна и прекрасна, человека услаждает и вводит в тихую земную радость грустное его бытие. А посреди правой стороны безлапые ноги высоко задрала, гузно выставив, в кипучем масле трижды прожаренная кура... Что ж ты стоишь, Сысой? Голодному нет греха!». Здесь использован известный в агиографии и впоследствии воспроизведенный в художественной литературе мотив: Ипат-Сысой выкалывает себе глаз и бесовское наваждение пропадает². После этого Ипат велит заковать себя в цепь. Эпизод с заковыванием в цепь есть в житии Симеона-столпника. Тот какое-то время проводит прикованным к горе, пока ему не будет указано на то, что не цепями человеческое сознание приковывается к Богу. Симеон-столпник «аукается» в рассказе датую постройку скита: «В последний день погожий, летопроводца Семена день, робята за дело принялись...».

Другой эпизод жития Симеона-столпника с привидевшимся ему «диаволом на огненной колеснице» отзывается в эпизоде леоновского рассказа с Никифором-порченным, случившимся «на вешнего Нифонта». Никифор во сне слышит голос: «Встань. Грядет к тебе Спас. Даруется тебе благодать. Ты будешь лику светлых сопричислен, сподоблен судьбы Еноховой и Ильиной. Восстал Никифор, видит. Грядет к нему в облаке как бы сам Иисус. Свет слепит глаза, раздвинулись стены настезь, келья как поле, пенье блистающих сладко застилает уши. И поклонился им Никифор трижды и четырежды от усердия своего, а то бесы были. Его посадили они на колесницу и понесли быстрее ветра над скитом. Летит Никифор по небу, Спасу бок о бок, рассуждает, руками разводя, так: Вот сподобился-т! Не иначе это как за святость мою. Эх, меня угрозило, каб меня мамынька увидала таким!.. Но тут грянул гром, исчезла обманская колесница, надал острый Никифору коленком в зад... Полетел тот вниз головой, пал на острый зуб моря, разбился пополам. Так исцелился Никифор от жизни сей».

Полностью совпадает этот эпизод с примером из «Слов подвижнических» Исаака Сирина («Слово 55. Послание к преподобному отцу Симеону чудотвор-

¹ 28 раз употреблены в рассказе эпитеты «черный» и «темный», не считая слова «чернецы», а других разных цветовых эпитетов 47.

² Например, в повести «Гора» Н.С. Лескова.

цу)): «И еще некто другой, по имени Асина, в том же городе Едессе, сочинив многие Трисловия, которые поются и доныне, проводил высокое житие, и безрасудно связал себя самыми трудными делами, пока не прославился. Его обольстил диавол, вывел из келлии его и поставил на верху горы, называемой Сторий, уговорился с ним, показал ему образ колесниц и коней и сказал ему: “Бог послал меня поять тебя в рай, как Илию”. И как скоро вдался тот в обман младенческим своим умом и взошел на колесницу, разрушилась вся эта мечта, низринул он с великой высоты, упал оттуда на землю и умер смертью, достойною вместе смеха и плача. Не напрасно я сказал здесь это, но чтобы познать нам поругание от бесов, жаждущих погибели святых, и не вожделевать не вовремя высоты умного жития, а иначе – будем осмеяны лукавым супостатом нашим...» [Исаак Сирин, 2002, с. 131–132]. Сопоставление примера Исаака Сирина с аналогичным ложным видением из жития Симеона Столпника предпринято Игнатием Брянчаниновым в «Слове о чувственном и духовном видении духов», где святитель полностью цитирует пример Сирина.

В житии Симеона Столпника дьявол, «принял вид светлого ангела и показался святому вблизи столпа на огненной колеснице с огненными конями, как бы сходящим с неба», и соблазняет отшельника, призывая его взойти на огненную колесницу, «чтобы взял я тебя, подобно Илие, на небо (4 Цар. 2:11); ибо ты достоин такой чести за святость жития твоего, и пришел уже тебе час вкусить плоды трудов своих и принять венец похвалы от руки Господней. Поспеш же, раб Господень, узреть Творца своего и поклониться Тому, Кто создал тебя по образу Своему; желают и тебя увидеть ангелы и архангелы с пророками, апостолами и мучениками. Святой не распознал вражеского прельщения и сказал: Господи! Меня ли, грешника, хочешь взять на небо? И поднял Симеон правую ногу, чтобы ступить на огненную колесницу, но вместе с тем осенил себя крестным знамением. Тогда диавол с колесницей исчез, как пыль, сметенная ветром. А Симеон познал бесовское прельщение, раскаялся и ногу свою, которой хотел ступить на бесовскую колесницу, казнил тем, что стоял на одной той ноге целый год» [Брянчанинов, 2004, с. 47–48]. Герой в рассказе Леонова в точности повторяет действия, описанные в житиях, и не распознает бесов, польстившись наподобие «судьбы Ильиной».

Вслед за этим эпизодом в скит приходит бес Гаркун, не узнанный чернецами в виде лжеизографа. В свете традиции характерно, что он появляется у ворот скита темной ночью в лютые морозы. Хронология событий здесь делает резкий скачок: сразу за «вешним Нифонтом» действие переносится примерно к «Нифонту зимнему». Ипату-Сысою сразу приходит мысль попросить художника написать Нифонта. Пришелец легко располагает всех к себе за «приятность лица и ласковость речи», живет в скиту до весны. Сам процесс письма иконы выдержан в сказочном ключе: чуть коснется кистью доски бес – сразу появляется изображение: «Тронул празеленью, – радостные сверкнули березки. Тронул киноварью – зацвели позадь всехвального Нифонта благоуханные цветы райского сада. Теперь бесов написать надобно, попираемых преподобным. Встал черный белец середь кельи, хлопнул в ладоши дважды и четырежды, полезли из подполья, толкаясь и сопя, беспьятые». Во время Великого поста, точнее не обозначается, происходит освящение иконы: «Опускает Сысой мутовку в окованное ведро, кропить, взмахнул над головами, – полетели по кругу радужные капли, и случилось *лютое чудо*¹. Прыснули бесы с иконы в рассыпную, кто куда, скрипя жестоко зубами. Понесло легонько паленой псиной. Поднял беспамятно архирейские ризы свои Нифонт и, за голову схватясь, ринулся в дверь стремглав. Копытами простучал,

¹ «Лютое чудо» в тексте рассказа невольно соотносится с выражением «*чудо страшное*» в «Слове о Спиридоне-просвирнике и об Алимпии-иконописце» Киево-Печерского патерика [с. 172]. (Курсив наш – Н.Н.).

пхнул Сысоя плечом, Мелетия рогом хватил наотмашь... И нет никого, – и пусто, и голо, и лукаво». Значение термина «адописная икона» воплощается здесь буквально.

Агиография знает иные, противоположные, поистине чудесные примеры написания икон. Один из них представлен в Киево-Печерском патерике, книге, знакомой Леонову с детства. Это история Алимпия-иконописца («Слово о Спиридоне-просвирнике и об Алимпии-иконописце»). Заболевший Алимпий не смог из-за болезни написать икону в срок и выслушал немало упреков от заказавшего ее человека. После ухода разгневанного заказчика появился «некий светлый юноша, взяв вапницу, он стал писать икону» [Киево-Печерский патерик, 1999, с. 176]. Алимпий подумал, что прислан другой иконописец. «Но быстрота работы показала, что это бесплотный. То он золотом икону покрывал, то на камне краски растирал и всеми ими писал, – за три часа кончил икону... Когда настал вечер, то светлый юноша стал невидим вместе с иконою» [Там же, с. 176]. С утра икона обнаружилась в храме, куда пришел огорченный, ничего не подозревающий о чуде владелец. Алимпий же объяснил чудо тем, что икона написана ангелом Божиим, пришедшим за ним и, «сказав это, испустил дух» [Там же, с. 176]. В «Деяниях Азлазивона» ситуация перевернута целиком и полностью: икону пишет бес, «лютое чудо» заключено в том, что она исчезнет, а кутерьма и суматоха по поимке беса-лжехудожника приведет к убийству Мелетия. Еще одно поражение братии, не сумевшей ни разглядеть темных сил, ни противостоять им.

В житийных рассказах частный случай, отдельный пример становится в один ряд с такими же другими, типическими, повторяемыми и воспроизводимыми, и тем самым возводится в ранг универсального, иллюстрируя извечную борьбу Добра и Зла за души людей. В рассказе Леонова универсальное становится частным: так, например, Азлазивон оказывается князем бесов Коноксянской округи, а Нифонт Новгородский покровительствует одному месту – бору, где живут разбойники. А все типические места, сходные с житийными, становятся инверсивными по смыслу: борьба, испытания не приводят бывших разбойников ни к нравственному совершенствованию, ни к спасению. Все их действия, даже вроде бы внешне соответствующие поведению агиографических подвижников, имеют обратный результат – разрушение и гибель, сперва в малом масштабе, внутри скита, а затем и в большом. Мотив вывернутости наизнанку – это один из повторяющихся мотивов всего творчества Л.М. Леонова [Якимова, 2003]. Соблюдая внешнюю «похожесть», используя известные житийные топосы, писатель тем не менее, вопреки традиции, пишет рассказ не о победе над бесами, а о проигрыше дьявольским силам. Трансформация сюжета включает отсутствие покаяния разбойников и как следствие ни преобразование, ни спасение невозможно. Переосмысление диктуется самой реальностью начала 1920-х годов. Именно на 1919–20 годы приходится развернутая антирелигиозная, антицерковная государственная кампания, происходит массовое разорение церквей, изъятие мощей, гонения священников. Ожидаемые некоторыми неизбежный гнев Божий и мгновенное, неотвратимое наказание за разорение святынь в жизни не оправдывались: например, подобная ситуация описана Леоновым в повести «Петушихинский пролом», А. Зуевым в очерке «Смута». Слова «Бога нет» становятся не сомнением или вопросом колеблющегося в поисках индивидуального сознания, а проводимым сверху утверждением, официальной доктриной.

Леонов еще до булгаковского романа на сходную тему, по свежим следам демонстрирует в литературном произведении, что влечет за собою «новая парадигма» сознания: место положительных персонажей, способных победить зло, противостоять дьявольским козням, оказывается вакантным. Богу в этом мире места нет. И потому у строителей скита (читай – нового общества) не хватает сил одолеть «деяния Азлазивона». Их поражение и крах предопределены. Зло не просто отстаивает свое право на присутствие в мире, оно им правит. Таким образом,

изменение писателем первоначального позитивного финала на негативный обусловлено всей внутренней логикой рассказа и является закономерным и художественно оправданным. Отсюда и расхождения с агиографическим каноном: воспроизводя внешне типичное, отсылая к агиографическим топосам, сюжетам, мотивам, именам, датам, писатель по сути идет против агиографической традиции, не оправдывает привычных для житий читательских ожиданий, переворачивая их, осмысляя противоположным образом. Такое авторское прочтение переводит происходящее в рассказе из общего плана вечной борьбы Добра и Зла в более конкретный план разговора о близком по времени написания и современном Леонову мире, тем самым превращая его, как это ни парадоксально, в рассказ-притчу.

Литература

- Брянчанинов И. Слово о смерти. Минск, 2004.
- Житие святого отца нашего Нифонта, епископа Кипрского (23 декабря по ст.ст. / 5 января по н.ст.) в изложении святителя Димитрия Ростовского // Жития святых Димитрия Ростовского. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.idrp.ru/zhiitiya-svyatih-lib1550> (дата обращения: 05.08.2013).
- Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. М., 1999.
- Ковалев В.А. Творчество Л. Леонова: к характеристике творческой индивидуальности писателя. М.; Л., 1962.
- Леонов Л.М. «Деяния Азлазивона» // Наше наследие. 2001. № 58. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5809.php> (дата обращения: 20.06.2013).
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
- Непомнящих Н.А. Мотивы русской литературы в творчестве Л.М. Леонова. Новосибирск, 2011а.
- Непомнящих Н.А. Сюжетная ситуация «разорения святынь» в литературе 1920-х годов. (Повесть Л.М. Леонова «Петушихинский пролом» и очерк А. Зуева «Смута») // Документальные аспекты литературы. Новосибирск, 2011б. С. 65–73.
- Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. М., 2002.
- Распутин В. О рассказе Л.М. Леонова «Деяния Азлазивона» // Наше наследие, 2001, № 58. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/5809.php> (дата обращения: 20.06.2013).
- Якимова Л.П. Мотивная структура романа Леонида Леонова «Пирамида». Новосибирск, 2003.